

ГОРЬКИЙ — М. Ф. ЧУМАНДРИН

Михаил Федорович *Чумандрин* (1905—1940) познакомился с Горьким в 1928 г. будучи одним из руководителей Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

Участие Чумандрин в редактировании журнала «Литературная учеба» и организации Рабочего театра ЛАПП послужило поводом к переписке с Горьким, длившейся с 1929 по 1932 г.

Чумандрин не раз делился воспоминаниями о встречах с Горьким на страницах периодической печати (см. его статьи: «Рабочие и Горький». — «Известия», 1931, № 131, от 14 мая; «Встречи». — «Ленинградская правда», 1932, № 224, от 24 сентября; «Наш Горький», «Максим Горький» — «Однодневная литературная газета» (Л.), 1932, от 25 сентября; «Достоинство силы», Ленгиз, 1932; «О двух уроках» — «Красная газета», 1936, № 31, от 20 июня; «Наш старик» — «Ленинградская правда», 1936, № 141, от 21 июня).

Два письма Горького к Чумандрину от 13 апреля 1930 г. и 12 июня 1930 г. опубликованы (см. т. 30, №№ 982 и 987).

Ниже публикуются шесть писем и одна телеграмма Горького и девять писем Чумандрин.

1

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград—центр, Красная
улица, 25, кв. 14.
1929, 23/IX.

Алексей Максимович!

1) Я напомню вам наш разговор о карельском поэте, Яльмаре Виртанен¹. Мы говорили о необходимости иметь ваше предисловие² к книге стихов этого товарища. Вы, как мне помнится, ничего не возразили в ответ на нашу просьбу.

2) Для того, чтобы вы хотя немного ознакомились с творчеством т. Виртанен, посылаю вам несколько переводов. Они очень неудачны и для печати не годились бы, но книга печатается на финском языке, так что переводы нужны только для некоторой ориентации, в данном случае, вам.

3) Я полагаю, что, пользуясь переводами и статьей из «Красной Карелии»³, — вы предисловие напишете и облегчите нам издание книги, предполагаемой нами для широких читательских кругов Карелии.

4) Кстати, в письме в «Красную газету», которая берется издавать эту книгу, Наркомпрос АКССР пишет, что она будет рекомендована всем школам, библиотекам, избам-читальням Карелии.

Очень прошу написать и выслать предисловие поскорее по адресу: Ленинград, центр, Красная, 25, кв. 14.

С коммунистич<еским> приветом

М. Ч у м а н д р и н

¹ Ялмари Эрикович *Виртанен* (1889—1939) — основоположник карельской советской литературы, поэт, драматург, переводчик.

² Статья Горького о Я. Виртанене под названием «Несколько слов» была напечатана в «Красной газете», 1929, № 281, от 8 ноября (вечерний выпуск), а затем — в

перевод на финский язык, в виде предисловия к первой книге стихов Я. Виртанена «Tuon Lomassa. Ruloja» («Рабочий досуг»). Л., «Красная газета», 1930. На русском языке предисловие Горького опубликовано также в кн.: Я. В и р т а н е н. Стихи, Л.—М., ГИХЛ, 1933.

³ Горькому была послана статья Г. Богданова «Финский рабочий поэт Яльмар Виртанен. 20 лет литературной деятельности» («Красная Карелия», 1929, № 4, от 6 января).

В последнем абзаце статьи говорилось: «Однако, несмотря на огромную ценность творчества тов. Виртанена, его произведения и до сих пор еще не изданы. Стихи его разбросаны по различным газетам и журналам, а некоторые печатаются в виде песен и былин. Объединить их и издать — было бы большим общественно-полезным делом...»

2

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград—центр, Красная, 25, кв. 14.
1930. 5/IV.

Дорогой Алексей Максимович.

1. Группа т. т. членов ЛАПП (в числе которых и я, и Либединский) приступила сейчас к созданию 1-го Рабочего театра в Ленинграде¹. Основные его задачи изложены в прилагаемом письме (вернее, проекте письма)², которое будет разослано партийным, заводским, комсомольским комитетам и прочим рабочим организациям. Мы берем особенную установку на воспитание *рабочего* драматурга и *рабочего* актера. Мы не желаем начинать своей жизни с того, чтобы сесть на шею государству. Мы создаем своеобразный рабочий кооператив, который и даст фонд для театра. Паи самые разнообразные — от 10 рублей и до 10 000, в зависимости от заработка рабочего, вступающего к нам в кооператив, и «богатства» той или иной организации.

2. Мы полагаем, Алексей Максимович, что было бы непростительной ошибкой начать это дело без вас. Вот почему мы и просим вас дать свое согласие:

а) на вступление в число пайщиков с тем паем, который вы себе определите;

б) на вступление в число членов организационного комитета;

в) на предоставление нам для постановки своих пьес, особенно из тех, что могут быть написаны вами в будущем, и особенно на современные темы.

3. Мы полагаем, что ваш авторитет как писателя, пользующегося у трудящихся СССР исключительной любовью, — поможет нам с самого начала привлечь внимание к нашей затее.

4. Может быть, вы написали бы даже несколько строк для московской и ленинградской печати о наших планах (конечно, лишь в том случае, если они вам придутся по душе).

5. Не откажите, Алексей Максимович, прислать мне в *самый кратчайший срок* все ваши замечания по проекту письма³. Адрес — в начале моего письма.

С коммунистическим приветом

М. Ч у м а н д р и н

¹ В 1931 г. на основе самодеятельных театральных коллективов фабрики «Скороход» и других ленинградских предприятий был создан театр ЛАПП (1-я опытная мастерская рабочего театра Ленинградской ассоциации пролетарских писателей им. М. Горького).

После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций театр ЛАПП был переименован в Рабочий театр-школу им. М. Горького.

² Имеется в виду текст обращения «От организационного комитета театра». Это обращение, подписанное М. Горьким, Ю. Либединским, М. Слоимским, Ю. Олешей,

М. Ф. ЧУМАНДРИН

Фотография, 1920-е гг.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

В. Саяновым, М. Зощенко, Н. Тихоновым и др., было опубликовано в журнале «Ленинград», 1930, № 1, вместе с письмом Горького к Чумандрину от 13 апреля 1930 г. (см. прим. 3).

³ В ответном письме к Чумандрину от 13 апреля 1930 г. Горький горячо поддерживал мысль об организации «Рабочего театра», заявил о своем согласии стать пайщиком театра, но отказался вступить в члены оргкомитета и предоставить театру пьесу. В этом же письме Горький широко развил идею коллективного создания пьес силами самих актеров-рабочих (т. 30, № 982).

3

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград—центр, Красная, 25, кв. 14.
1930. 4/VI.

Дорогой Алексей Максимович! Мы все были очень рады получить ваше письмо ¹. Общая часть письма, в которой вы развиваете свои мысли о работе над пьесой, всем нам показалась настолько интересной, что мы ее напечатали в 1-м № нового ежемесячника «Ленинград» ², который будет вам выслан. Я, хоть и с опозданием, от лица всех т<оварищей> прошу извинения в том, что письмо напечатано нами без соответствующего разрешения с вашей стороны.

Как у нас идут дела?

1. Мы связались в Ленинграде с профсоюзными и советскими организациями, в Москве — с Главискусством ³. Представили свои планы, сметы и пр. Принципиально — самое прекрасное отношение, но в смысле создания материальной базы, конечно, дело будет труднее. Полагаться же *только* на средства от индивидуальных вложений — нельзя: во-первых, они для нас имеют значение чисто демонстративное, во-вторых, позволяю-

щее создать группу друзей театра с первых его, наиболее трудных шагов. Кроме того, как мы убедились сейчас (не без содействия ЛОСПС ⁴), предполагаемая нами смета — мала, и нам потребуется на самом деле 140—150 000 р. на первый год. Ясно, что уже собранных денег (ваших — 2-х тысяч, тысячи — Либединского и тысячи — моей) — мало. Это скорее показатель энтузиазма группы товарищей, нежели реальный момент.

2. Чтобы добиться нужной суммы, требуются невероятные энергия и настойчивость. Я полагаю, что мы денег добьемся. Особенно я убежден в этом (опять приходится беспокоить вас, А<лексей> М<аксимович>), если вы черкнете по несколько строк товарищам Сырцову (СНК РСФСР) ⁵ и Бадаеву (Центросоюз) ⁶. Вас, вероятно, удивит появление столь неожиданной в театральном деле фигуры, как тов[арищ] Бадаев. Но все дело в том, что мы создаемся как театральная *кооперация*. Центросоюз имеет, таким образом, к нам самое прямое отношение.

Наши ближайшие перспективы:

3. В основном мы должны вырастить нового актера-рабочего. Для этого, по-нашему, есть единственный путь: А.—*Обеспечить рабочему молодняку серьезнейшую и общественную и театральную учебу, привлекая для этого лучших специалистов*. Б.—*Обеспечить молодняку в процессе учебы и работы соприкосновение с наиболее интересными из современных актеров*. В.—*Обеспечить т<оварищей> материально настолько, чтобы им не пришлось халтурить и отрываться от учебы в поисках куска хлеба*. Короче говоря, с самого начала мы против любительщины, за *профессионализацию*. В чем дело — рабочий класс имеет право выдвигать своих лучших представителей на завоевание театральных высот.

4. Мы уже имели разговор с прекрасной (в свое время мейерхольдовской) артисткой — Бабановой, которая согласилась перейти к нам и войти в группу, которую мы называем «костяком» нашего будущего коллектива. Бабанова дает нам гарантию в том, что ею будет привлечен арт<ист> Гарин, в прошлом тоже мейерхольдовец, отличный исполнитель ряда сложнейших ролей (Хлестаков, Чацкий и т. д.). У т<оварищей>, которые целиком окунулись в вербовку актеров для «костяка», есть все основания очень оптимистически смотреть на приход к нам таких актеров, как Баталов и Попова. Из актеров «II-го призыва», но безусловно талантливых актеров, мы имеем молодую Скопину (б. Александринский театр). Таких людей мы соберем 6—7 человек ⁷.

5. *Рабочие-актеры*. В конце июля мы открываем в Ленинграде прием рабочих т<оварищей> в наш коллектив. Мы берем примерно 25—30 человек, снимаем их с производства, сажаем их на 100 (и больше)-рублевую стипендию и начинаем самую бешеную учебу. В этом у нас могут быть две опасности: 1 — мы поддадимся на удочку нетерпеливых людей и будем гнать с первыми постановками. В этом случае нам лучше не начинать работы, т<ак> к<ак> затеять такое дело, наскоро развернуть его и бесславно провалить, — *на это мы не имеем права и нас за это будет нужно повесить*. 2 — мы, исходя из самых лучших побуждений, «передержим». В результате — первая постановка будет готова через полтора-два года. Это чересчур издержает рабочую общественность. У некоторой ее части и просто посеет неверие в нашу затею. Очевидно, надо будет взять третью линию. Эта линия — установка на то, чтобы первые две пьесы и первых 10 спектаклей мы дали в конце будущего сезона (май — июнь 31 г.), потом замолчали бы до осени, доработали первые и разыграли бы 1—2 новых пьесы. Вот что было бы хорошо.

6. *Репертуар*. Я опять возвращаюсь к тому, чтобы рассказать вам, Алексей Максимович, про пьесу. При нынешнем репертуарном голоде просто нельзя не писать пьес, особенно, если, как у вас, они в голове лежат

готовыми, (стоит только прочесть ваше письмо). Вы простите мне, А<лексей> М<аксимович>, мой тон, но я говорю совершенно серьезно, что пьеса, написанная вами, особенно на современную тему, — это самое лучшее, что мог бы иметь в наше время советский театр вообще, наш, рабочий, в особенности ⁸.

7. Затем, у нас есть другие предположения. Во-первых, поставить «Высоты» Либединского ⁹ в их коршевской редакции. Во-вторых, пьеса «Газ идет» («Война») — произведение бывшего солдата, отравленного газами в империалистической войне. Пьеса в начале — 2 первых акта — просто потрясает и сделана исключительно талантливо. 2 других — надо здорово переработать, т<ак> к<ак> в них силен элемент беспочвенного резонерства, а от этого пьесу надо избавиться. Думаю, что после переработки из нее выйдет огромный толк. Затем «Ледолом», пьеса нашего товарища из МАПП — Чупкина — по роману Горбунова ¹⁰.

8. Очень значителен вопрос о режиссере. С этим у нас обстоит так — на первое время к нам идет режиссер МХАТ II тов. *Смышляев*, потом возможен приход *А. Д. Попова*, который дал пока полусогласие, но который уже ушел из театра им. Вахтангова. Вот *Попов* — это лучшее, о чем мы могли бы мечтать ¹¹.

Как будто, основное — всё. В ближайшее время я вам вышлю ряд новых материалов и пьесу «Газ идет», по поводу которой мне очень хотелось бы иметь ваше мнение.

Теперь другое: в «Ленинграде», новом ГИЗовском журнале, которого я редактором, в основном будет печататься писатель «комсомольского возраста». Но как было бы замечательно для этого нового дела иметь от вас, Алексей Максимович, один-два рассказа, статью, очерк, отрывок из ненапечатанного и т. д. ¹²

С самыми лучшими пожеланиями, с коммунистическим приветом

М. Ч у м а н д р и н

Алексей Максимович, я решил одним духом написать кстати и о «Лит. учебе». Я думаю, вам понятны мои настроения, настроения человека, который до некоторой степени участвовал в создании журнала и которого журнал ни в какой мере не удовлетворяет.

1. Положим, первый № был пробным камнем. Но 2-ой с большей, нежели 1-ый, очевидностью, показывает, что у журнала наметился совершенно четкий путь к академизации. Я прекрасно помню ваши письма, где вы как раз и предостерегали нас от академизации ¹³. Мы имели две очень резких стычки с Камегуловым по этому поводу, — но потом я взялся за другой журнал. Либединский болен, Тихонов в отъезде, журналом вертят даже не Камегулов, а юноши «из образованных» (если припомнить ленинское толкование этого термина). В результате мы имеем очень тяжелый, неактуальный, непрактический журнал. Мы имеем какой-то Сборник корявых методических разработок ¹⁴.

2. Вы можете счесть мои слова чуть ли не за лесть (что будет неверно) — но до сих пор в плане журнала находятся лишь ваши письма ¹⁵, а ведь читатель у нас совсем особый. Важно не только знать, что мы строим, важно не только знать марксизм, — но и знать, как отразить всё, что мы делаем в художественных образах, знать, как применить марксизм в творческой работе. Действительно (вспоминая ваши слова), похоже, что старые гимназические учителя занялись нашим журналом ¹⁶.

3. Мне просто жаль, что такое дело, как «Лит. учеба», дело, с которым я носился с 1924 года и которое так много отняло сил и времени, особенно у вас, — это дело совсем не то, чего мы все хотели.

М. Ч у м а н д р и н

¹ Письмо Горького Чумандрину от 13 апреля 1930 г. См. письмо 3, прим. 3.

² «Ленинград» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник (1930—1932 гг.). Отв. редактор М. Чумандрин, с № 7—8 — А. Фадеев.

³ Главискусство — Главное управление по делам искусства.

⁴ ЛОСПС — Ленинградский областной совет профсоюзов.

⁵ Сергей Иванович Сырцов (р. 1898—?). В 1929—1930 гг. — председатель Совнаркома РСФСР. В конце 1930 г. был снят с поста как участник троцкистской оппозиции.

⁶ Алексей Егорович Бадаев (1883—1951). В 1930 г. был председателем Правления Центрального союза потребителейских обществ СССР. В ответном письме от 12 июня 1930 г. Горький сообщал М. Чумандрину: «Прилагаю письмо Бадаеву. Сырцову писать не буду» (т. 30, с. 174).

⁷ Мария Ивановна Бабанова (р. 1900), Эраст Павлович Гарин (р. 1902), Николай Петрович Баталов (1899—1937), Вера Николаевна Попова (р. 1889), Людмила Александровна Скопина (р. 1903) не принимали участия в работе театра.

⁸ Горький повторил свой отказ в письме от 12 июня 1930 г.: «Пьесу писать — не имею времени, мне приходится работать на 3 журнала и особенно много — для „Литературной учебы“»; но добавил: «Пьесу написать — хочется, но пьеса — самая трудная форма словесного искусства и требует работы неизмеримо больше, чем роман. Возможно, что попробую и, может быть, к осени напишу» (т. 30, с. 172—173).

⁹ Пьеса Ю. Либедина «Высоты» была поставлена в Московском драматическом театре (бывш. Корша) в ноябре 1929 г. Издано — Л., «Прибой», 1930.

¹⁰ К. Я. Горбунов. Ледолом. М.—Л., Госиздат, 1930.

¹¹ Валентин Сергеевич Смышляев (1891—1936) и Алексей Дмитриевич Попов (1892—1961) участия в работе театра не принимали.

¹² В журнале «Ленинград» Горький не печатался, если не считать опубликования IX статьи из цикла «Издалека» (1912) в статье Пенчковского «Неизвестная статья Горького» (1931, № 6) и непечатки очерка «И еще о чэрте» (1932, № 9).

¹³ Имеются в виду письма Горького к зам. отв. редактора журнала «Лит. учеба» А. Каменулову. Одно из них (май 1930 г.) см. в «Лит. газете», 1961, № 72, от 17 июня.

¹⁴ В письме от 12 июня 1930 г. Горький отверг обвинение в «академизме», но указал на незрелость ряда статей, помещенных в журнале (т. 30, № 987).

¹⁵ В «Лит. учебе» (1930, №№ 1, 2, 3) были опубликованы письма Горького к начинающим писателям под названием «Письма из редакции».

¹⁶ Имеется в виду письмо Горького к Каменулову от 9 января 1930 г. Горький писал: «...статьи для „Литучебы“ написаны как будто старенькими учителями гимназии старого времени. Не знаю, что надобно сделать для того, чтоб поднять тон статей, но сделать это — необходимо. Нужен пафос, нужна сатира и — беспощадная к мешчанам...» (АГ).

4

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

1930 г. 22/VII.

Ленинград—центр, Красная, 25, кв. 14.

Дорогой Алексей Максимович! Вы столько раз оказывали мне помощь в разного рода моих начинаниях, что мне просто неловко еще раз обращаться к вам. Однако, дело, о котором я пишу вам, не терпит никаких отлагательств и всерьез помочь в его разрешении можете, конечно, только вы.

1. У нас в Ленинграде есть В. В. Князев, которого вы, вероятно, знаете¹. Вообще-то он известен как поэт, сотрудничающий в газетах и тонких журналах.

2. Но он, как это известно очень немногим, с осени 1901 г. и до последнего времени работал еще и над гигантским трудом — над своей энциклопедией пословиц. Если вы прочтете его предисловие (которое посылается вам с этим письмом)² и уже изданную книжку³ (она не больше, как 5—10% всей энциклопедии), — то легко поймете, что это за колоссальная работа.

3. Издательство «Академия»⁴ включило всю эту работу в свой издательский план, но обратилось за субсидией в Наркомпрос. Вы сами знаете, Алексей Максимович, что поднять такое дело, как издание 150 печатных листов — дело невероятных трудностей.

4. И вот в этом-то смысле было бы крайне желательно получить вашу оценку работы в тех пределах, в каких она вам станет доступной, и (это главное) — нажим на Халатова и Наркомпрос⁵. Конечно, все это лишь

в том случае, если вы, ознакомившись с тем, что вам будет прислано, — сами найдете нужным оказать поддержку.

В расчете на желательный отклик, с коммунистическим приветом

М. Чумандрин

¹ См. Горький — Князев, стр. 194—196 наст. тома.

² Машинописный текст предисловия «От автора-составителя».

³ В. В. Князев. Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии. Л., «Красная газета», 1930.

⁴ Т. е. «Academia».

⁵ В письме заведующему Госиздатом А. Б. Халатову от 30 августа 1930 г. Горький отрицательно оценил работу Князева (АГ).

5

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

<Сорренто. 10 августа 1930 г.>

Дорогой товарищ Чумандрин!

Мои соображения по поводу «Энциклопедии» В. Князева таковы: это очень ответственная работа, она требует обширной вводной статьи, подробных комментариев и внимательнейшей редакции. Вводная статья должна быть посвящена теме «народная мудрость» и обнажить пред читателем, как эту мудрость заключали в афоризмы бродяги, лентяи, попы, торгаша, батраки, хозяева и т. д. Вам как марксисту должна быть понят-

М. Ч У М А Н Д Р И Н

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

Алексей Максимович

Михаил

*29.10
32*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
М. Ф. ЧУМАНДРИНА ГОРЬКОМУ
НА ПОВЕСТИ «БЕЛЫЙ КАМЕНЬ»
(М.— Л., 1932):

«Алексею Максимовичу. Михаилу
28.IV 32»

Личная библиотека Горького

О Г И З • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

на необходимость такой статьи, комментарий и необходимость строгой редакции. Мне кажется, что редакция должна быть двойкой: Комакадемии и — спецов фольклористов.

Заметка «От автора-составителя», написанная поверхностно, немножко хвастливо, мне очень не понравилась. Автор плохо понимает то, о чем он говорит. Такие категорические заявления его как, напр<имер>, «народ наш никогда не был христианином», говорят о том, что автор историю этого «народа» — не знает. К сожалению, «народ» был и, в массе, пребывает христианином, ибо евангельские качества терпения, кротости и пр. ему прививали 12 веков. «Христианства» в пословицах чрезвычайно много, сотни пословиц не что иное, как фразы церковных писателей, иногда измененные по форме, но никогда по существу. История старообрядчества и сектантства говорит против автора. Автор умалчивает, пользовался ли он сборниками пословиц Чулкова¹, Снегирева, Даля, Михельсона², Ипполитова³ и многих других? По книжке, изданной «Кр<асной> газетой», видно, что как будто пользовался. На это он должен бы указать, потому что, если окажется, что его «Энциклопедия» составлена по старым сборникам пословиц, — цена ей не велика. Выписывая «пословицы» из Андрея Печерского, Горького, автор уже отходит в сторону от «народного» творчества. И — почему только Печерский, Горький, а не Даль, Г. Успенский, Левитов, Голицынский⁴ и т. д.?

О пристрастии «народа» к язычеству автор говорит по книге Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», — книга эта написана в 60 гг. Со взглядами на «народное» творчество Келтуялы⁵ и других писателей по этому вопросу Князев не знаком, а это знать ему следовало бы и как автору, и как составителю. Кстати: не ясно мне — в чем выразилось его авторство? Ведь сам он пословиц не сочинял?

Зная, что он давно занимается сборанием пословиц и допуская, что он действительно собрал их достаточно солидное количество, я могу взять на себя роль «толкача» в издании этого несомненно ценного труда только при условиях, указанных мною в начале письма, т. е.: редакция Академии, вводная марксистская статья, которая должна осветить вопрос о «народном» творчестве, комментарии, которые классифицируют материал по его классовым признакам.

Теперь несколько слов по поводу письма Князева к вам, написанного на обложке его «Книги пословиц»⁶.

Князев — ошибается: он не посылал мне писем на Капри⁷. Никто, никогда ничего плохого не говорил мне о нем. Но года три тому назад он прислал мне длинное, философическое письмо с жалобами на жизнь и, между прочим, в это письмо были включены такие стишки:

Ленина ли свет,
Христа —
Всё суета сует
И суета⁸.

На это письмо я, действительно, не ответил стихотворцу, ибо на письма такого тона отвечаю, по обыкновению, в печати. Всё. А — какой вы увлекающийся человек, т. Чумандрин. Это — в общем не плохо, но — не всегда и хорошо. Ибо сказано: «Увлечения ведут к ошибкам». Верно сказано. И я очень боюсь, что если «Энциклопедия» Князева выйдет в свет без редакции, которой она требует, — мы получим не «Энциклопедию», а — скандал.

А. Пешков

¹ Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1793) — писатель, один из первых этнографов и собирателей русского фольклора — преимущественно сказок и пьес. Сборников пословиц у М. Д. Чулкова нет.

² См. письмо Горького Князеву, прим. 3.

³ Ипполитов — вероятно, описка Горького. Может быть, речь идет о книге: И. И. Илларионов. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. Изд. 3, испр. и дополн. М., 1915.

⁴ Александр Петрович Голицынский — автор «Очерков из фабричной жизни» (М., 1861), пользовавшихся большой популярностью среди революционеров — народников. Подробнее о нем см. во вступительной статье П. Е. Щеголева ко второму изданию «Очерков фабричной жизни» (Л., «Прибой», 1927).

⁵ Горький относился резко отрицательно к теории В. А. Келтуялы о том, что создателем фольклора был не народ, а представители правящих верхов общества, теории, изложенной в предисловии ко второй части первого тома «Курса истории русской литературы» (1911). См. письмо Горького к Е. Ляцкому от 9 апреля 1912 г. (т. 29, № 598).

⁶ Среди книг Горького экземпляр «Книги пословиц» пока не обнаружен.

⁷ Горький ошибся: Князев писал ему на Капри в 1912—1913 гг.

⁸ 8 октября 1930 г. Князев писал Горькому, что эти стихи были порождены его «растерянностью» в годы нэпа (АГ).

Князеву принадлежат и другие стихотворения о В. И. Ленине, получившие в годы их выхода в свет широкое признание. См. сб. «Капли крови Ильича». Л., Госиздат, 1924.

6

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

⟨Сорренто. 3 ноября 1930 г.⟩

Дорогой т. Чумандрин,

я не знаю адреса В. В. Князева и очень прошу вас передать ему прилагаемое письмо ¹.

Внимательно просмотрев «Книгу пословиц», не могу оценить ее иначе как скандально малограмотной и, поэтому, никакого содействия изданию работы Князева оказать не могу.

Рукопись вашу — ожидаю ², готов прочесть ее со всем вниманием, на кое способен, и вообще готов всегда помочь вам, чем могу.

Привет. А. Пешков

За Князева — не сердитесь. Чепухи — у нас издается достаточно, увеличивать количество ее — нет оснований.

А. П.

З.ХІ.30.

¹ Письмо Горького к Князеву от 3 ноября 1930 г. См. в настоящем томе, стр. 194—196.

² Рукопись романа «Ленинград», первая часть которого вышла в свет в 1931 г. М.—Л., ГИХЛ.

В письме от 17 октября 1930 г. Чумандрин писал Горькому: «Однажды я вам уже говорил, что посылать вам свои вещи на критический просмотр боязно: вдруг вы побойтесь обругать и напишете так, что это мне не даст никакой пользы. Но последнее время (1 год — 1½) показали мне, как я ошибался. Вот почему я и прошу вас: если у вас будет время — просмотрите мою книжку (рукопись) „Ленинград“, которую я пришлю вам в конце ноября, и напишите мне свое мнение о ней. Ругательства меня не пугают» (АГ).

7

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

⟨Сорренто. 5 марта 1931 г.⟩

Чумандрину

Как часто возникают у вас, т. Чумандрин, гениальные планы! То вам хочется издать 150 листов безграмотно собранного словесного хлама ¹, то вы затеваете «Рабочий театр» ², о котором всё еще «ни слуха, ни духа»,

то организуете журнальчик «Ленинград»³, кстати сказать — очень плохой. А писательство, — дело, к которому вы более или менее способны, — не двигается у вас.

Вот, теперь вам хочется организовать журнал «для изучения психологии рабочего класса»⁴. Но для изучения этой психологии уже издано огромное количество автобиографического материала, еще большее количество его лежит в архивах Истпарта⁵. Поспешное и неразборчивое печатание автобиографий уже создало весьма солидное количество графоманов и непризнанных гениев. Пора начать борьбу против засорения книжного рынка полуграмотными книгами. Вы говорите: «от Истпарта нужно четко отмежеваться», — зачем? И зачем вам понадобилось «преломление через индивидуальную психику». Убеждены ли вы, что это «преломление» не заставит вас подчеркнуть «проблему индивидуальности»? Мне кажется, что вы очень плохо знаете действительность.

Какую, собственно, психологию собираетесь вы изучать? Рабочих до Октября, эпохи гражданской войны, рабочих эпохи нэпа или же рабочих 28—31 гг.? В основных чертах это, конечно, одна и та же психология, и с нею весьма обстоятельно можно ознакомиться по партийной литературе за 13 лет, а также — по Ленину, разумеется. Но, при наличии общих черт, температура этой психики весьма различна. Накалка бойца гражд(анской) войны и ударника наших дней — не одинакова. Ударник выпал из вашего плана, а он — в производстве — ведущая сила массы. Но не надо упускать из вида, что ударничество, в известной степени, — ставка на индивидуальность. Тут требуется — при «изучении» — много такта и осторожности. Мы видим, что ударник становится и литератором; тощие, но острые книжки изд(ания) ВЦСПС⁶ чрезвычайно характерны, и как вы лично, так и многие литераторы могли бы весьма многому научиться из этих книжек.

Кстати: <в> журн(але) «Наступление»⁷ есть отдел «Записки ударника».

Хотя учиться — труднее, чем учить, но уверяю вас — надо учиться. План ваш очень туманен и запутан. Это особенно видно по разделу 3, где говорится об изучении раб(очего) класса по художественной литературе, — [где его — как класса — нет еще] — и ставится неожиданный вопрос: «только ли раб(очего) класса?»⁸

Бросьте-ка этот ваш план, т. Чумандрин, справиться с ним вы — не в силах, да и вообще он — не нужен. Неужели вы не понимаете, что в наши дни такие затеи — детская игра? В конце концов вы предлагаете рабочим изучать свою психику по своим произведениям. Занятие сугубо интеллигентное».

5. III. 31.

Привет. А. Пешков

¹ См. письма 6 и 7.

² См. письма 3 и 4 и прим. к ним.

³ См. письмо 4, прим. 2.

⁴ В письме от 15 февраля 1931 г. Чумандрин поделился с Горьким своей новой идеей: «Я только что перечел ваши „Детство“, „В людях“, „Мои университеты“, — писал Чумандрин, — и мне пришла в голову следующая мысль: надо создать журнал <...>, в котором, в основном, печатать воспоминания рабочих. Такой журнал необходим для изучения „психологии рабочего класса“. Я подчеркиваю всю условность этого термина, но другого подобрать пока не могу» (АГ).

⁵ Речь идет об изданиях созданной в 1920 г. Комиссии по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт). В том же письме от 15 февраля 1931 г. Чумандрин писал: «Но в нашем журнале должно быть очень четкое размежевание с журналами истпартовскими и просто историческими. Ведь журналы такого типа печатают материалы, поднявшиеся или поднятые на уровень известных исторических обобщений. Это не значит, что у нас будет возможно искажение объективной действительности, — но материал будет даваться преломленным через индивидуальную психику» (АГ).

⁶ Издательство ВЦСПС организовало выпуск книг рабочих-ударников. См. об этом статьи Горького 1931 г.: «Ударники в литературе», «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу», «Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС» (т. 26).

⁷ «Наступление» (1931—1936) — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Западной областной Ассоциации пролетарских писателей (Смоленск). Среди отделов журнала «записки ударника», «очерки», «заметки», в которых публиковались письма ударников с заводов и фабрик, из колхозов и совхозов.

⁸ В цитированном выше письме Чумандрин писал: «Нам надо в художественной литературе подойти к изучению рабочего класса. Только ли рабочего класса? (...)

Впрочем, в предыдущих абзацах я уже писал о том, что надо будет печатать и материалы, „человеческие документы“, представителей передового крестьянства и пролетарской интеллигенции и т. д.» (АГ).

ГОРЬКИЙ СРЕДИ АКТЕРОВ ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА, УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ», 1932 г.

На фотографии (слева направо), 1-й ряд: Н. П. Русинова, Б. В. Шукин, Горький, Ц. Л. Мансурова, К. Я. Миронов, Е. Г. Алексеева, О. Н. Басов, Б. М. Королев. 2-й ряд: Л. П. Русланов, Н. Ф. Семенов, В. В. Куза, А. Я. Ефимов

Снимок сделан на репетиции пьесы

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

8

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. Март 1931 г.⟩

Алексей Максимович, я как-то писал о желании послать вам на отзыв свою новую книжку ¹ и очень был рад, когда вы дали свое согласие ее прочесть и даже написать мне о своих впечатлениях.

Но у меня с нею несчастье. Вернее, наоборот. Дело в том, что вот уже два года, как я сижу над нею — книжкой в 7—8 печ. листов — и никак не могу оторваться. Я переписываю ее вот уже 6-й раз. Все-таки думаю, что к весне кончу ².

Пока посылаю вам свои очерки ³. Очень прошу, если они не безобразны, черкните мне хоть пару строк. Только теперь, написав очерки, ⟨понял⟩, как тяжело над ними работать.

Датируется по времени выхода в свет очерков Чумандрин «Дела и люди» (март 1931 г.).

¹ См. письмо 7, прим. 2.

² Работа над первой частью романа «Ленинград» была закончена в июне 1931 г.

³ М. Чумандрин. Дела и люди. Очерки. М.—Л., ГИХЛ, 1931. Очерки явились результатом длительной работы писателя в партийной организации завода «Красный путиловец» (ныне завод им. С. М. Кирова).

9

ГОРЬКИЙ — ЧУМАНДРИНУ

(Москва. 13 сентября 1931 г.)

Милейший т. Михаил,—

хотел сегодня побывать у вас ¹, но анафемская погода — мешает. Побывать хотел для беседы о работе «Мастерской театра импровизаторов». Стенограммы вызвали у меня впечатление, наскоро изложенное в прилагаемом письме тт. импровизаторам, письмо сообщаю вам в копии для развлечения вашего ².

Сейчас получил вашу записку по поводу т. Ф<ирина> ³. На днях увижу его и — поговорим. Перемещение его в РАПП оказалось неосуществимым. Весьма жаль. Какой он хороший парень!

Завтра попытаюсь навестить вас.

Желаю доброго здоровья и бодрого настроения.

А. Пешков

13.IX.31.

Сообщите адрес Либединского, пошлю ему стенограммы и письмо.

На письме Горького рукою Чумандрин сделана пометка: Приехал 14/IX в 2 ч. дня. Привез книг и яблок ⁴.

¹ Чумандрин находился в это время в Кремлевской библиотеке в Москве.

² В начале сентября 1931 г. Горький ознакомился со стенографической записью работы над пьесой «Сапог», созданной коллективом театра ЛАПП методом творческой импровизации. В связи с этим 12 сентября 1931 г. им было написано письмо «В мастерскую импровизации».

«В общем,— писал Горький,— я обязан сказать, что работа идет правильно,— поскольку могу судить об этом по стенограммам. Мне нужно побывать на занятиях мастерской, что я и сделаю» (черновой автограф. Дата: 12 сентября 1931 г., АГ). Это письмо было опубликовано позднее со значительными сокращениями под названием «Ставьте дело широко и твердо. О Ленинградском театре ЛАПП» в журнале «Рабочий и театр», 1931, № 25, и в «Лит. газете», 1931, № 53, от 2 октября.

В том же номере «Лит. газеты» было помещено сообщение о посещении Горьким театра ЛАПП 21 сентября 1931 г.: «М. Горький дал театру ряд указаний и советов в работе над революционной импровизацией. В связи с постановкой театром ЛАПП инсценировки повести Горького „Мать“ А. М. посоветовал просмотреть работу над литературным текстом Московского Художественного театра, который, по сообщению Алексея Максимовича, ставит ряд его рассказов, в том числе и „Страсти-мордасти“».

Позднее Горький ознакомился с переработанным текстом пьесы «Сапог», присланным ему Чумандриним, и высказал свои замечания в письме театру ЛАПП от 29 января 1932 г. (т. 30, № 1039).

Письмо это было послано на имя Ю. Либединского вместе с непосредственным ответом Горького Либединскому по поводу проекта создания «Театра-вуза».

«По поводу записки о театре-вузе,— писал Горький Либединскому 26 января 1932 г.,— скажу вот что: из преподавательского плана выпала задача импровизации. Мне кажется, что если строить вуз, так следовало бы придать ему некоторое отличие от обычных театральных школ. Свообразие вуз получил бы, поставив пред собой цель: объединить актера и автора, сочинителя пьесы и ее исполнителя. Эта цель обязывает расширить преподавание, ввести историю развития драмы как литературной формы, историю театра как орудия классовой самозащиты: „театр — школа народа“,— эти слова скрывают в себе проповедническую, пропагандистскую роль театра в классовом обществе.

В моменты наибольшей безопасности, и — иногда — усталости, театр рассматривался как „зрелище“ и только.

Я понимаю, что записка недостаточно разработана, но все же не лишним нахожу указать на некоторые ее неясности. И очень защищаю введение в преподавание импровизаторской работы на текущем материале» (АГ. Письмо Ю. Н. Либединскому частично опубликовано вместе с письмом театру ЛАПП. — «Рабочий и театр», 1932, № 6, стр. 6).

³ Семен Григорьевич *Фирин* (1898—1938) был в то время одним из работников Главного управления лагерей ОГПУ. В АГ хранится переписка Горького с Фириним за 1934—1935 гг. (см. также воспоминания Фирина о Горьком в «Лит. газете», 1936, № 36, от 19 июня).

⁴ По всей вероятности эта запись относится к Горькому. Можно предположить, что в своих воспоминаниях «Наш старик» («Ленинградская правда», 1936, № 141 от 21 июня) Чумандрин ошибался, утверждая, что Горький не смог его посетить из-за болезни.

- Куда и с кем идешь?

И поставив этот вопрос, указывает: - дорога назад - закрыта, а вертаться на одном месте между прошлым и будущим не достигнешь ничего, кроме головокружения.

Я- ~~не считаю~~ и не считаю себя в праве навязывать читателю личную мою ~~оценку~~ ~~эту~~ ~~оценку~~ ~~произведений~~ ~~Михаила~~ ~~Чумандрина~~. ~~это~~ ~~чуждо~~ ~~и~~ ~~абсолютно~~ ~~чуждо~~ ~~критике~~

РУКОПИСЬ СТАТЬИ ГОРЬКОГО «РАВНОДУШИЕ НЕ ДОЛЖНО ИМЕТЬ МЕСТА» (ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ ПОВЕСТИ М. Ф. ЧУМАНДРИНА «БЕЛЫЙ КАМЕНЬ» НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ), 1931 г.

Лист одного из вариантов статьи (воспроизводится частично)

Архив Горького, Москва

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

1931. 17.XI.

Берлин, Гайсбергштрассе 39, комн. 23.

Дорогой Алексей Максимович, сегодня встретился с П(етром) П(етровичем) ¹ и чрезвычайно благодарю вас за то, что вы приняли такое участие в удовлетворении моей просьбы ², а то я было собрался «отмежеваться» от нее, думая, что сделал глупость. <...>

Здесь такое количество интересного, что я хожу с утра и до самого позднего вечера: Веддинг, Нейкельн и Веддинг ³. Я завязал громадные знакомства с безработными. Просто обидно, что так мало на свете времени. Я не меньше 12 часов в сутки брожу по рабочим районам, по квартирам, часа 3 в день пишу (для «Известий»). Мне очень хочется написать вам о своих наблюдениях — но положительно не имею ни сил, ни времени. Я очень прошу потом прочесть всё в «Известиях» ⁴.

Скажу только, что сейчас громадное большинство рабочих Берлина живет так, что жизнь ваших героев — всей этой нищей и голодной братии — вся эта жизнь покажется недостижимой сказкой для жителей здешних рабочих районов.

Это картина систематического, планомерного уничтожения сотен тысяч взрослых здоровых мужчин, женщин, детей. Алексей Максимович, просто рвется сердце, когда я гляжу на все это.

Белая сволочь осмеливается писать о Советском Союзе, — да если б каждый из них побывал в здешних квартирах безработных и если б каждый из них спокойно проглядел все это, — его надо было бы даже не повесить, даже не удавить, а уничтожить такой смертью, какой еще не придумали люди.

Я пишу сбивчиво и бестолково, но, поверьте мне, когда я вижу двухлетних ребят, замечательных ребят, которые целыми днями сидят в углу кровати, боясь слезть на пол: там бегают крысы; в полу громадные щели; со стен течет; комната с одним разбитым, заткнутым газетой окном, освещается керосиновым ночником — нельзя быть спокойным.

Если у меня хватит уменья написать книгу так, как я это хочу, — это будет жуткая и потрясающая книга ⁵. Но, мне думается, я не сумею сделать это как следует.

Жаль только, что я не знаю языка, а переводчики здесь, хотя и свои ребята, но русский язык знают плохо.

Я очень жду Марию. Ведь возможно все это организовать в 5—6 дней. Это было бы здорово.

Алексей Максимович, простите за новую просьбу, но я в очень трудном положении.

Желаю вам всего лучшего.

М и х а и л

¹ Крючков.

² Чумандрин просил Горького содействовать приезду в Германию его жены Марии Александровны Чумандриной.

³ Веддинг, Нейкельн — рабочие районы Берлина.

⁴ Статьи Чумандрина в «Известиях» не появлялись.

⁵ Книга Чумандрина «Германия» была прочитана Горьким в рукописи.

В письме от 29 марта 1933 г. Чумандрин писал Горькому: «Все, что вы указали мне, Алексей Максимович, при чтении — я выполнил, а так как вы, естественно, не могли отметить всех недостатков, — я и сам набрал изрядное количество их, и очень многое выбросил, кое-что дописал, но, в общем, книга поджалась и, по-моему, стала много лучше. Уже и после того, что идет в „Новом мире“, я работал над рукописью и, например, весь раздел „В прихожей Европы“ из книги выкинут. Спасибо вам за все ваши советы и за всю ту злость, которую вы вкладывали в чтение моих вещей. Мне было бы очень тяжело думать, что впредь я буду лишен такого общения» (АГ).

В «Новом мире», 1933, № № 1, 2, 3 и 4, были напечатаны очерки из книги М. Чумандрина «Германия». Вскоре книга вышла отдельным изданием (Л., ГИХЛ, 1933).

<Сорренто. Ноябрь, около 20-го, 1931 г.>

Виноват я пред вами, т. Чумандрин, — до сего дня не ответил на письмо. Причина — жестоко занят очень спешным делом.

Телеграмму вашу немедленно протелеграфировал в Москву ¹, а получив письмо — послал еще телеграмму Крючкову ². Каковы результаты? И — как вы чувствуете себя в каменной яме германского мещанства?

Не приехал ли Авербах? ³ Сообщите, что жду его здесь, буду очень рад видеть.

Крепко жму руку. А. Пешков

Датируется по упоминанию телеграммы Горького Крючкову (см. ниже).

¹ Телеграммы Чумандрина по поводу приезда его жены в Берлин в АГ нет.

² Горький послал Крючкову 20 ноября 1931 г. телеграмму следующего содержания: «Просите визу Германию жене Чумандрина. Нужно, чтоб помочь его литературной работе. Г о р ь к и й» (АГ).

³ Леопольд Леонидович *Авербах* — был у Горького в Сорренто в декабре 1931 г.

Я только прошу разрешения опубликовать под соответствующим названием ваше предисловие в нашей ленинградской прессе, но так, чтобы было изгнано всякое упоминание моего имени. Мне кажется, что предисловие и без этого имеет громадное политическое и литературное значение.

Таким образом я прошу разрешить *напечатать ваше предисловие целиком до последнего раздела, или еще лучше сделать так:*

«Я не считаю себя в праве навязывать читателю личную мою оценку социального и художественного значения произведений тов. Н. Это право и обязанность критиков».

И так как дальше нет ни одного упоминания моего имени, — все обстоит прекрасно. Письмо для нас, для ЛАПП, имеет громадное значение.

Я очень жду от вас положительного ответа. Может быть, вы позволите ждать только до 10.III с. г.? Если до этого времени вы не ответите, могу ли я считать, что вы согласны на мое предложение?¹

Могу ли я сделать так, как хочу? Дело, как видите, совсем не во мне. Я рассуждаю с точки зрения нашего движения.

Алексей Максимович, думаю, что вы разрешите мне провести в жизнь свой план. И чем скорее, тем лучше.

Всего лучшего. Доброго здоровья.

М. Ч у м а н д р и н

Алексей Максимович, по заказу ГИХЛ я написал книжку «Матвей Равнодушный»², специально для малограмотных. Задание громадной политической важности, но как я выполнил его, судите сами. Буду очень рад, если вы черкнете мне пару слов. Дело для меня (такой «заказ»), да и не только для меня — дело новое, очень новое. Книжку посылаю.

М. Ч.

¹ Предисловие, написанное Горьким для немецкого издания повести Чумандрина «Белый камень», посвящено вопросу создания новой, пролетарской литературы. Это предисловие, как и просил Чумандрин, было опубликовано с большими сокращениями в ленинградской газете «Наступление» (1932, № 2, от 16 марта) как самостоятельная статья под заголовком «Равнодушие не должно иметь места» (см. т. 26).

Ниже мы приводим ту часть предисловия, которая не вошла в газетную публикацию и касается Чумандрина.

«Я — не критик, и не считаю себя в праве навязывать читателю личную мою оценку социального и художественного значения произведений Михаила Чумандрина, это — права и обязанности критики. Он — один из писателей, которых советская литература выдвигает ежегодно и выдвинула уже десятки. Все они прочно, физически связаны с рабочими фабриками и заводами, нередко читают рабочим свои произведения в рукописях, подвергая их критике читателей раньше, чем сдать рукопись в типографию. Таким приемом достигается тесное слияние литературы и жизни, и, на мой взгляд, этот прием, способствуя возбуждению в рабочей массе интереса к литературе, не может не влиять на ускорение культурного ее роста. Я вообще считал бы идеальными отношения непосредственной, товарищеской близости писателя с читателями, — такая близость равно поучительна для обеих сторон.

Союз Советов нуждается в сотнях прозаиков, поэтов, критиков, драматургов, журналистов, и эту армию мастеров слова нужно воспитывать не медля.

В Союзе Советов искусство слова должно служить делу культурной революции, делу создания новой индивидуальности, свободной от всего, что в прошлом уродливо ограничивало духовное развитие человека. Но <так как> все человечество живет в эпоху небывалого обострения классовых вражды и ненависти, творцом же ненависти в мире является чудовище капитализма, а основное ядро рабочего класса Союза социалистических Советов ставит целью своей уничтожение классового, капиталистического мира, то — само собою разумеется, что искусство рабочего класса Союза Советов должно быть и политически революционным» (АГ).

² В 1931 г. Ленинградское отделение ГИХЛа приступило к изданию серии книг «Библиотека начинающего читателя».

Книга Чумандрина «Матвей Равнодушный» (Л.—М., Гослитиздат, 1931) была первой книгой этой серии. Автор послал ее Горькому со следующей надписью:

«Написана эта книжка в несколько дней по экстренному заказу ГИХЛа для малограмотных.»

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО «ЕГОР БУЛЫЧОВ и ДРУГИЕ»
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕАТРЕ им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА, МОСКВА, 1932 г.

Сцена с попом. В роли Булычева — Б. В. Щукин, Шуры — Ц. Л. Мансурова,
Павлина — М. С. Державин

Фотография

Музей театра им. Евг. Вахтангова, Москва

Это не оправдание для плохой книжки, однако она начала собой серию, больше того, именно после этого „тронулся лед“.

В расчете на то, что вы, А<лексей> М<аксимович>, прочтете эту брошюру и ругнете меня в письменном виде — на пользу и поучение. М и х а и л. 32.29.1» (ЛБГ).

В 1932 г. в серии «Библиотека начинающего читателя» вышла книга Горького «Рассказы» («Зрители», «Страсти-мордасти», «Как сложили песню» и «Рождение человека»).

14

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 15 мая 1932 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, передаю вам просьбу Ю. Германа, о том, чтобы вы приняли его в один из ближайших дней. Он очень хочет поговорить с вами о своей книге¹.

Затем, рекомендую т. Миттельмана², очень толкового парня, бывшего секретаря ЛАПШ. Он, естественно, хочет поинформироваться у вас по всем лит<ературным> делам.

Всего лучшего. Жму руку,
лучшие пожелания.

М. Ч у м а н д р и н

15.V.32.

Письмо на бланке Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

¹ Имеется в виду роман Ю. Германа «Вступление», кн. 1. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931. В письме Горькому от 17 мая 1932 г. Чумандрин писал:

«Получили ли мою записку относительно Германа? Он очень хочет приехать к вам.

Как это? Можно? Парень он приятный и не давал мне покоя, желая подробно разузнать, что говорили вы о его книжке. Я рассказал что мог, но куда легче было б, если б и он сам мог поговорить с вами лично» (АГ).

Второе, переработанное издание романа (Л., ГИХЛ, 1933) было послано автором Горькому с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Горькому. Ю. Г е р м а н. 4/VIII—1933 г.» (ЛБГ).

² М. Миттельман — один из авторов «Истории Путиловского завода» (М.— Л., 1939).

ЧУМАНДРИН — ГОРЬКОМУ

Чумандрин, Михаил.
1932, 12. X.

Ленинград, 25, ул. Рубинштейна, 7,
кв. 20.

Дорогой Алексей Максимович, просмотрел вчера в Большом Драматическом театре спектакль «Егор Булычов и другие»¹ и пришел к выводу о том, что следует поделитьсь с вами соображениями о том, как разрешена задача постановки вашей пьесы.

1. *Что такое ваша пьеса?* История ли это болезни и смерти конкретно купца или это типическое обобщение быта и жизни *строя*, исторически обреченного на гибель? По-моему, последнее. И Шура прекрасно укладывается в такую трактовку, так как она ярко и образно иллюстрирует собою общеизвестную марксистскую истину: «... в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего»². Шура, разумеется, не все еще поняла и никакая она еще не революционерка и тем более — не большевичка, но она уже начинает *разбираться* в том, что представляет из себя жизнь, ее окружающая. Чёрт ее знает, какой путь выберет эта девица — умная, злая, настроенная против фальши и грязи окружающего ее мира. Из таких выходили Жанны д'Арк контрреволюции, но отсюда же *при соответствующей обработке* получались и убежденные борцы революции. Пока что ее бунт не идет дальше буржуазного радикализма, — но это у нее совсем не то, что скептицизм отца, постепенно захватываемого предсмертной паникой. Гибнет класс — и там, где у Егора — паника, у Шуры — обостряется глаз, оформляется взгляд на вещи. У Егора — распад сознания, у Шуры — оформление его. Вот в чем разница между отцом и дочерью. Вот почему — гибель Булычова это — гибель его класса. Разумеется, элемент биологический в Егоре очень силен. Но он подчеркивает лишь *социальную* сущность героя. У вас биология — не самоценный момент, а глубочайшая характеристика его общественной стойкости.

2. И это отлично поняли вахтанговцы³. Не случайно, что режиссерская выдумка и отсебятина (я подчеркиваю положительный смысл этого первого попавшегося термина) у вахтанговцев пошла по линии *социальных* штрихов (напр<имер> газеты)⁴. Что сделали т. т. из БДТ? Они решили пофигурять «человеческой», «плотской» стороной Булычова и вместе с шапкой сорвали и волосы: весь Булычов, вся пьеса живут под знаком развертывающихся, усиленных и усиливающихся элементов животного, биологического, так сказать — мясного существования. Не в пример вахтанговцам, они подбавили кабатчины, богемы, натурализма и т. д. В результате, гибнут ваши образы. Взята хотя бы Алексея, дурака — Алешку. У вас это — прогнившая сволочь; тип земгусара, околачивающегося по тылам, по теплым местечкам; обиралы, сутенеры, пропойцы — будущие герои «великолепной» керенщины. И это хорошо раскрыли вахтанговцы.

В БДТ — это весельчак, забулдыга, рубаха-парень, штукать, сорви-голова, симпатичнейший парняга. Или Достигаев — это не тот тип материго, трижды протравленного и просушенного жулика, пренебрегающего всем, даже навечно святыми традициями буржуазного патриотизма. Ради наживы — все что угодно. Это тип, из которых вырастали громадные дельцы, герои и рыцари монополистического, интернационального, фашизированного капитала. В БДТ — веселейший старикан — не без хитрецы, не без ловкости, — а в общем всего только занятный персонаж, не больше. И Шура, в полном соответствии с общей линией спектакля

ГОРЬКИЙ

Рисунок карандашом П. Д. Корина, Тессели (Крым), 1936 г.

Музей Горького, Москва

в БДТ, — капризная, сумасбродная девичка, из пустого каприза отравляющая жизнь окружающим. В БДТ она мелка, в ней нет ни огня, ни того, что следовало бы назвать «мучительностью» (сказано неуклюже, но вы поймете меня) и что так отлично подмечено у ваханговцев. Ведь Шура — интуитивный, вдумчивый, если хотите — страдающий человек.

3. И так до самого конца. Я уже не говорю о том, что сам Булычев дан так, что в нем много от Достоевского (это болезненное, почти патологическое искание смысла жизни) и нет Горького: ведь у вас он — один из волчьей стаи капитализма, который теснится придвигающейся все ближе

и ближе революцией. И в этом, кроме обреченности, есть и своя сила. Сила, которую надо еще ломать, которую надо сломить. У БДТ враг уже добит и его следует уже пожалеть. Это не ваш вывод, это вообще не вывод, если говорить всерьез и *по-нашему*. Ваша и вахтанговская трактовка мобилизует — трактовка БДТ успокаивает и «приводит в равновесие».

4. Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но я передаю вам ощущения: человека, который пришел посмотреть Горького, а увидел чёрт знает что. Это не жалоба на театр и тем более — не кляуза. Мне просто обидно и досадно, что получилось не то, что хотелось бы видеть. Тем более, что непонятая режиссурой пьеса поставила в очень ложное положение актеров, из которых даже такие замечательные, как Казико (Шура), играли гораздо хуже своих возможностей. Попросту говоря, играли плохо. Или Монахов в роли Булычова, — ведь не случайно, что он у вас из «народа», т. е. всеми жилами и корнями связан с многомиллионной массой мелкобуржуазной стихии и из нее растет, уже вырос и поднимается. В этом его сила, в этом его и слабость. Дать эту слабость, без ощущения силы (силы, обрекаемой на свержение и гибель), — это и означает скатиться в достоешинку. Это театр благополучно и проделал.

А красные знамена в конце и демонстрация, идущая над сценой, — это плохой плакат. Пьеса плохо понята театром. Обидно и досадно, Алексей Максимович.

Все это я написал потому, что до сих пор нахожусь под впечатлением вашей пьесы. Так именно надо строить драматургию. Вот почему я и решил переделать свою пьесу⁵. Кстати, читали ли вы ее и каково ваше впечатление? Я знаю, она еще очень сыра, но ваше мнение для меня — всё.

Прошу не понять меня плохо, я хотел просто поделиться с вами впечатлениями от спектакля и тем, как я понимаю вашу пьесу. Ежели будет время, черкните мне пару слов.

Еще: могу ли я в конце месяца подъехать к вам и, так сказать, проводить вас⁶.

Жму руку, всего самого лучшего.

М. Ч у м а н д р и н

¹ Премьера спектакля «Егор Булычов и другие» состоялась в Большом Драматическом театре им. А. М. Горького 25 сентября 1932 г. Роль Егора Булычова исполнил Н. Ф. Монахов, Шуры Булычовой — О. Г. Казико, Алексея — Н. П. Корн.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (гл. I «Буржуа и пролетарии»). Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 433.

³ Премьера спектакля «Егор Булычов и другие» в театре им. Евг. Вахтангова состоялась 20 сентября 1932 г. Роль Егора Булычова исполнил Б. В. Щукин, Шуры Булычовой — Ц. Л. Мансурова, Алексея — М. Н. Сидоркин.

⁴ Имеется в виду пролог к спектаклю, сочиненный театром им. Евг. Вахтангова. В прологе перед занавесом Тятин, Звонцов, поп Павлин, Башкин и Лаптев читали выдержки из газет, в которых отражались военные и политические события 1916—1917 гг. Горький положительно отнесся к введению пролога: «Пролог — чтение газет — отличный. Его можно поставить в заслугу театру, как прием сотрудничества актера с автором» (т. 18, с. 417).

⁵ См. письмо 17.

⁶ 29 октября Горький выехал из Москвы в Сорренто.

Материал пьесы¹ интересный и взят интересно, крепко — за рога. Но — это почти всё, похвальное, что я могу сказать вам, автор, ибо вы

материал-то очень плохо обработали. А работать над ним нужно весьма внимательно и много. Вы пустили в него слишком много стона и вопля о человеке, о «костях» его, употребляемых как материал социалистической стройки. Партиец, революционер, вы не можете не понимать, с какой радостью встретят ваши враги это свидетельство коммуниста Чумандрина о великих трудностях соц(иалистической) стройки, о разногласиях среди строителей и т. д. Кричит — Сезонов, а не Чумандрин? Да, конечно, но даже Чумандрин слышит и не может не воспроизвести этот стон и крик. Трудность строительства осложняется кулаками, вредителями? Ну, да, разумеется, но это тоже на радость врагам, а не на страх. На страх дано очень мало.

Сказанным я хочу подчеркнуть серьезное политическое значение пьесы и передать вам мое чувство тревоги за ее будущее. Вы должны очень глубоко и всесторонне продумать материал, прежде всего именно с этой политической, партийной точки зрения.

Детали: недостаточно четко сделаны фигуры людей, не сразу ясны импульсы, двигающие ими. Нужно, чтоб зритель сразу видел причины разногласий партийцев, сразу понял завязку драмы. Нужен более сжатый, яркий и точный язык. Акцент иностранцев предоставьте артистам сцены. Вы постройте не по-русски фразу, а уж акцент — не ваше дело.

⟨...⟩ Шютце в 3-м акте слишком неожиданно «честен», хотя и за доллары. Это превращение нужно подготовить его боязнью вредителей, — боязнью, что они скомпрометируют его. Сезонов — не фамилия. Сезон — не русское слово, и такой фамилии не может быть у нас.

Женщин мало для такой большой пьесы и все «высоко квалифицированы», нужно бы дать парочку «простых», уборщиц, что ли. Как можно более индивидуализируйте речь каждой фигуры, это поможет артисту сцены изобразить фигуру с предельной ясностью.

IV акт весь на монологах. Этим вы убьете пьесу. Монологи же совершенно обезличены, они — торопливый пересказ газетных статей.

Но — прежде всего — вы должны решить за Сезонова вопрос: в какой мере социалистическая власть может рисковать силами человека? Сезонов у вас забыл, что капиталистическое государство не ставит пред собою этого вопроса, а буржуазный гуманизм пользовался им — вопросом — в качестве только полемического средства против церкви и феодалов. Кто-то должен напомнить Сезонову и об этом, и о том, что у нас человек работает на себя, а если он — человек — этого все еще не понимает, — за сие винить некого, кроме его самого. Он и сам мог бы убрать грязь в барак, вместо того, чтоб тратить время на игру в карты.

Вот и всё, что я могу сказать. Желаю успеха в дальнейшей работе. Очень желаю.

А. П е ш к о в

25.X.32.

¹ М. Чумандрин. Естественная история.— «Молодая гвардия», 1933, № 2. В АГ хранится машинописный экземпляр пьесы с правкой и пометками Горького.

В письме от 29 марта 1933 г. Чумандрин писал Горькому: «После ваших указаний по поводу моей пьесы — я дважды радикально переделал ее. Указания меня настолько убедили, что невыполнение их означает одновременно и невыполнение того, что хочу я сам. Вот почему я переделываю еще раз, т. е. третий после вашего прочтения и пятый вообще. Одновременно с тем, как дать рукопись вам, я дал ее в „Молодую гвардию“. Дал и забыл про нее. Вспомнил лишь тогда, когда она была уже набрана и версталась. Теперь она вышла во 2-м номере журнала» (АГ).